

МАРГИНАЛИИ ГОРЬКОГО НА СТРАНИЦАХ «АНТИХРИСТА» НИЦШЕ¹

Тема «Горький и Ницше» теперь объективно и всесторонне обсуждается в литературе о Горьком. Высказывания самого Горького, следы ницшеанства в раннем творчестве писателя, оценки ранней критики служат основной базой для исследования данной темы. Но еще не проведен систематический анализ маргиналий (заметок на полях книги) М. Горького на страницах прочитанных им переводов Ницше.

В связи с работой над переводом «Исповеди» на французский язык мы просмотрели экземпляр «Антихриста» Ницше, хранившийся в Личной библиотеке Горького в Доме-музее Горького в Москве. Речь идет об издании: Фр. Нитче. Антихрист. Перевод Н. Н. Полилова. СПб.: Кн-во Прометей, 1907². По всей вероятности, книгу Горький прочел с карандашом в руке при ее выходе: в «Исповеди», как мы уже показали, есть отсылки к «Антихристу».

Маргиналии Горького сводятся главным образом к вертикальным линиям, проведенным красным карандашом напротив строк или абзацев книги (на 28 страницах книги из 157). Если трудно определить, какое отношение писателя к прочитанному означают эти черточки, то по ним можно судить о темах или мыслях, которые привлекли внимание писателя. Главная группа относится, естественно, к критике христианства. Это главная тема книги, и она всегда занимала Горького.

Вот то, что подчеркивает Горький:

«Быть может оно [христианское понятие «Бог». — М. Н.] представляет собою даже мерило глубины нисходящего развития божественного типа. Бог, выродившийся в противоречие жизни, вместо того, чтобы быть ее прославлением и вечным Да!» (§ 18, с. 35; напротив этих строк Горький поставил NB на полях).

«Как должны мы презирать религию, которая не хочет освободиться от суеверного понятия “душа”! Которая делает “заслугу” из недостаточного питания! Которая борется со здоровьем, как с врагом, дьяволом, искушением! Которая внушила себе, что можно носить “совершенную душу” в теле подобном трупу, для чего ей понадобилось смастерить себе новое понятие “совершенства”, нечто бедное, болезненное» (§ 51, с. 118).

Номер 41-й главы (с. 88) обведен красным кругом. Тема главы — о жертве «невинного за грехи виновных» и о роли апостола Павла в этом толковании христианства: «Какое страшное язычество! — восклицает Ницше. — Ведь Иисус уничтожил самое понятие “вины”³, — он отвергал всякую пропасть между Богом и человеком, он переживал это единство Бога и человека как свою “благую весть”... А не как преимущество! — С этих пор в тип Спасителя шаг за шагом входит учение о суде и втором пришествии, учение о смерти, учение о воскресении, которым выкрадывается все понятие “блаженства”, вся единственная реальность евангелия - в пользу состояния после смерти!...»

В другом месте Горький отметил следующие слова о теологах:

«В ком течет кровь теолога, тот заранее относится ко всем вещам криво и нечестно» (§ 9, с. 16).

Горький отмечает следующий перечень «грехов» христианства:

«Христианству понадобились варварские понятия и ценности, чтобы подчинить себе варваров: таковы принесение в жертву первенцев⁴, питье крови во время

¹ Впервые: Максим Горький: взгляд из XXI века. Горьковские чтения — 2008: Материалы Международной конф. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2010. С. 12–17.

² Личная библиотека А. М. Горького в Москве. Описание. Т. 1. М., 1981. № 95 (ИНБ 4215).

³ В гл. 33 (с. 71) Горький поставил вопросительный знак напротив следующего утверждения Ницше: «Во всей психологии “евангелия” отсутствует понятие вины и наказания; равным образом понятие награды».

⁴ В оригинале: das Erstlingsopfer (см. Второзаконие 12, 6).

причащения, презрение к уму и культуре; пытка во всех формах, чувственных и нечувственных; великая пышность культа» (§ 22, с. 42).

«Повествования о святых представляют собою самую двусмысленную литературу, какая только вообще существует» (§ 28, с. 60).

Ницше не идеализирует первых христиан, и Горький это подчеркивает, ничем не отмечая антиеврейское высказывание Ницше:

«Мы так же избегали бы знакомства с “первыми христианами”, как с польскими евреями: без того, чтобы тут нужна была хоть какая-нибудь отговорка... И те и другие нехорошо пахнут» (§ 46, с. 104).

И наконец, Горький отметил волнистой линией предпоследний абзац книги:

«Я называю христианство одним великим проклятием, одной великой внутренней порчей, одним великим инстинктом мести, для которого недостаточно ядовиты, тайны, подземны, низменны никакие средства, я называю его одним несмываемым позорным пятном человечества...» (§ 62, с. 155).

Суждениям Ницше о религии Горький, по-видимому, сочувствует. Он находит у Ницше подтверждение своих основных мыслей, хотя, в отличие от Ницше, он не отказывался от самой идеи Бога, понятого в духе Фейербаха⁵. «Антихрист», в сущности, скорее направлен против метрического христианства, восходящего к апостолу Павлу, против «моралина»⁶ и аскетизма, против христиан, но не против Христа. И эта позиция близка Горькому, и не только в эпоху богостроительства.

Критика исторического христианства тесно связана с понятием Горького о человеке, с его антропологией. Для Ницше (как и для Горького) историческое христианство противоречило «воле к жизни» человека:

«Нужно превосходить [überlegen] человечество⁷ силой, возвышенностью души, — презрением» (с. 2).

«Я называю животное, род, индивида испорченным, если он теряет свои инстинкты» (§ 6, с. 9)⁸.

«Христианство приняло сторону всего слабого, низкого, неудачного, оно сделало идеал из противоречия инстинктам самосохранения сильной жизни» (§ 5, с. 8).

«Религиозный человек думает только о себе» (§ 61, с. 152; фраза подчеркнута красной линией).

Ницше отрицает духовный монизм (который, кстати, не присущ христианству), и Горький отмечает фразу черточкой на полях и подчеркивает ее красной линией:

«Чистый дух есть чистая ложь» (§ 8, с. 15).

Ницше отвергает страдания и, что важно для Горького, сострадание, вопрос о котором лежал уже в основе притчи 1893 г. «О Чиже, который лгал, и о Дятле — любителе истины» и пьесы «На дне»⁹:

⁵ См.: Архив А. М. Горького. М., 1969. Т. XII. С. 104.

⁶ Т.е. морализма (выражение Ницше). На стр. 20 (§ 11) Горький подчеркнул красной линией выражение «кенигсбергский китаизм» (намек на Канта-моралиста).

⁷ Заратустра говорил уже то же самое (Так говорил Заратустра. Пролог. Гл. 3), и Горький его цитировал в письме сентября 1898 г. к Ф. Д. Батюшкову (без ссылки на источник): «Человек есть нечто такое, что должно быть превзойдено [überwunden]» (Письма. Т. 1. С. 273). В. А. Поссе он говорил: «Это, братец ты мой, здорово сказано!» (Поссе В. А. Мой жизненный путь. М.-Л., 1929. С. 151, цит. в кн.: Ключ Э. Ницше в России. Революция морального сознания. 1999. С. 172). Это же высказывание отмечено синей чертой в переводе «Заратустры» 1911 г. (Личная библиотека А. М. Горького). В 1935 г. Горький иронизирует над этим учением о сверхчеловеке (Шкана И. Семь лет с Горьким. М., 1966. С. 288).

⁸ В рассказе «У схимника» (1896) старый аскет говорит молодому автору: «Цени желания твои, — они залог твоего успеха, и чем больше их, тем многообразнее жизнь твоя» (II, с. 407).

⁹ «Основной вопрос, который я хотел поставить, это — что лучше: истина или сострадание? Что нужнее? Нужно ли доводить сострадание до того, чтобы пользоваться ложью, как Лука? Это вопрос не субъективный, а общефилософский. Лука — представитель сострадания и даже лжи как средства спасения, а между тем противостояния проповеди Луки представителей истины в пьесе нет. Клещ, Барон, Пепел —

«Тот странный и больной мир, в который вводят нас евангелия, — мир словно из русского романа, где как будто происходит rendez-vous отбросов общества, нервных страданий и «детского» идиотизма (§ 31, с. 65)¹⁰.

Что хорошо? — Все, что усиливает чувство власти, волю к власти, саму власть в человеке. <...> Что вреднее какого бы то ни было порока? — Деятельное сострадание ко всем не удавшимся и слабым: — христианство...» (§ 2, с. 5).

«Нет ничего более нездорового в нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание» (§ 7, с. 13).

В 30-й главе отмечен второй абзац — критика непротivления злу (с. 60). В связи с этим интересны пометки об учении Будды:

«Ни от чего так не обороняется его [Будды. — *М. Н.*] учение, как от чувства мести, нерасположения, *ressentiment*» (§ 20, с. 39).

«Он [Будда] применяет против этого [депрессии] свободную жизнь, жизнь странника; праздность и выбор в пище; избегание всего спиртуозного; равным образом избегание всех аффектов, возбуждающих желчь, разгорячающих кровь; никакой заботы ни о себе, ни о других» (§ 20, с. 38).

Из критики христианства вытекает и критика анархизма:

«Анархист и христианин одного происхождения...» (§ 57, с. 141).

«Между христианином и анархистом можно установить полное равенство; их цель, их инстинкт сводится лишь к разрушению» (§ 58, с. 142).

Единственную прямую оценку прочитанного мы находим в конце гл. 48 (с. 111), посвященной отношению Бога к науке¹¹ (древо познания) и его усилиям, чтобы человек не стал знающим, как он: «Как это скучно и плохо!» — пишет Горький красным карандашом под концом главы. Что он имел в виду? Само содержание главы или довольно примитивное изложение мифов о древе познания и всемирном потопе? Скорее всего, упрощенческий взгляд Ницше.

Более неожиданны пометки (красные линии) на полях высказываний с политическими оттенками, которые сводятся к критике догматизма:

«Убеждения суть тюрьмы» (§ 54, с. 127).

«Это нежелание видеть так, как видишь, является почти первым условием для людей партийных в каком-либо смысле: партийный человек необходимо становится лжецом. Немецкие историки, например, убеждены, что Рим был деспотией, что германцы принесли в мир дух свободы: какая разница между этим убеждением и ложью?» (§ 55, с. 131).

«Кого ненавижу я больше всего из современной сволочи? Социалистическую сволочь, апостолов чандалы, подрывающих инстинкт, охоту, чувство удовлетворенности рабочего с его маленьким бытием, — делающих его завистливым, учащих его мщенью...» (§ 57, с. 141).

Отмеченные Горьким высказывания Ницше нельзя безоговорочно считать соответствующими мировоззрению русского писателя. Из них видно, прежде всего, какие вопросы занимали его. И в сущности это те же самые вопросы о человеке и о религии, которые привлекали внимание Горького в 90-е гг. XIX века и в 30-е гг. XX века. При этом надо учитывать разницу, а то и противоположность публичных и частных суждений Горького о Ницше. В тридцатые годы Горький связывает ницшеанство с фашизмом, говорит о «больном» или «сумасшедшем» Ницше (см. речь на Первом съезде писателей). Но в частном письме к князю Д. Святополку-Мирскому, который делал из Ницше декадента, Горький пишет: «Ницше Вы зачислили в декаденты, но это очень спорно,

это факты жизни, а надо различать факты от истины. Это далеко не одно и то же» (VII, с. 617–618, Интервью 1903 г.)

¹⁰ Намек на романы Достоевского.

¹¹ В предыдущей главе (47, с. 107) Горький отметил слова: «Религия, подобная христианству <...> само собою разумеется, должна быть смертельным врагом “мудрости мира”, т.е. науки».

Ницше проповедовал “здоровье”»¹². И именно такие места о «сильной жизни» (§ 5, с. 8) он отметил в издании «Антихриста» 1907-го г.

¹² Неизданное письмо от 8 апреля 1934 г., цит. в статье Басинского П. В. К вопросу о «ницшеанстве» М. Горького // Известия Академии наук, серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 4. С. 31. См.: Спиридонова Л. М. Горький: новый взгляд. - М., 2004. С. 200.